

— О, девочка, — тихо сказал инспектор, — зачем ты ведёшь меня в свою неизвестность?

Эти слова были обращены в пустоту, поскольку Гэлбрайт не ожидал услышать на них ответ. Да и не услышал бы — Делию Йонс похоронили на кладбище Ривер-Вью, недалеко от могилы первой женщины-мэра Портленда. Её похороны остались незамеченными жителями города, потому что никому не было дела до дочери какого-то фармацевта. Никто не написал в «The Asian Reporter» заметку «Смерть под лезвием скальпеля», на её могиле не сидел даже её самый дальний родственник и уж тем более ни один из её одноклассников не пришел туда и не вопил со слезами на глазах «Делия, Делия, слышишь ли ты друга своего?». Единственным, кто по-настоящему сочувствовал девочке из собравшихся на церемонии прощания, был сам Гэлбрайт, который, постояв некоторое время у изголовья её могилы, возложил букет георгинов разных цветов и молча ушёл, оставив похоронную процессию терзаться догадками о связи этого мрачного усатого полицейского с покойной девочкой...

Если бы самого Гэлбрайта спросили об этом, он бы ответил «А была ли вообще какая-нибудь связь?». Действительно, за всю свою жизнь инспектор видел эту маленькую девочку только один раз — когда пришел в дом семьи Йонс по делу о самоубийстве её матери... Но даже этих коротких минут той их встречи было достаточно, чтобы он понял, что именно от него, Гэлбрайта, зависела дальнейшая судьба этого ребёнка. Увы, звонок господина главного инспектора Сеймура, прозвеневший в ту минуту, разлучил их с Делией, и Гэлбрайту пришлось оставить малышку на попечение неадекватного юноши из Федерального бюро расследований и доктора Мэтта Макларена, добросердечного, но по сути бесхребетного человека...

Гэлбрайт отвлекся от этих грустных мыслей и заметил, что, хотя на улице был октябрь, через окно заведения «Клэйр Эн Тон», где он стоял всё это время, были отчетливо видны блестящие серебристые елочки. Он невольно залюбовался ими — украшения были вырезаны из фольги и повешены там же, где были прикреплены занавески.

— Не спорю, красиво, но как-то не сезон, — задумчиво сказал он про себя.

Инспектор открыл дверь и, войдя в небольшой холл, понял, что ему не почудилось — не только фасад кафе, но и его интерьер был полностью украшен к Рождеству. На стенах были развешаны светодиодные гирлянды и еловые шишки, а с потолка свисали игрушечные фигурки каких-то животных. Не хватало только подходящей музыки, подумал Гэлбрайт, который выдвинул гипотезу, что, по-видимому, владельцы этого заведения были настолько ленивыми людьми, что забыли убрать украшения ещё с прошлого года.

Он бросил мимолётный взгляд на стойку, после чего обратил внимание на столики. Инспектор прошел в самый конец зала, где находилась зона приема заказов. Усевшись на маленький мягкий диванчик за низеньким столиком, Гэлбрайт положил руки на его поверхность и с некоторым недовольством заметил, что, кроме него и одной официантки, в этом зале больше никого не было. Видимо, люди, жившие в этом районе, знали, что их ждёт в этом кафе и поэтому старались избегать его. Ожидая, когда девушка соизволит обратить на него внимание, инспектор огляделся по сторонам — теперь, когда он уже привык к неуместному убранству «Клэйр Эн Тона», он смог обратить внимание на высокие потолки и алые стены, оформленные в деревенском стиле. Богато, подумал Гэлбрайт, и это обстоятельство изменило его отношение к истеблишменту к куда лучшему, чем оно было с самого начала. Он даже поймал себя на мысли, что в том, что он сидит в жаркий октябрьский день в комнате, оформленной под Рождество, есть что-то такое, что невольно переносит его на несколько месяцев в будущее.

Через пять минут официантка, которая до этого бегала между столиками с белой тряпкой, наконец соизволила обратить внимание на Гэлбрайта и подошла к его столику.

— Добро пожаловать, что вам будет угодно? — скромно спросила блондинка.

Гэлбрайт поднял на неё глаза. «Красавица», — подумал он. Её стройную фигуру подчеркивало лёгкое платье, плотно облегавшее изящную талию и высокую грудь.

— Могу я взглянуть на меню? — спросил он просто.

Официантка протянула ему сложенный вдвое лист глянцевої бумаги. Гэлбрайт поблагодарил её и взял в руки меню. Просмотрев содержимое, он весьма подивился небольшому размеру списка — в нём было указано только два блюда. Гэлбрайт вспомнил, что таксист, рекомендуя это кафе, назвал его незнакомым словом «vanitas-ресторан». По-видимому, заведение с претензией на что-то оригинальное, подумал Гэлбрайт. Тогда было бы понятно, почему интерьер был оформлен не по сезону...

Инспектор внимательно изучил меню — первым блюдом был коктейль со странным названием «Суджейра». «Это что, сьерра, горная цепь?» спросил себя Гэлбрайт. Под изображением бокала с тонкой ножкой были указаны ингредиенты — коньяк, вода, сахар, лимонный сок.

— Что это значит? — спросил он официантку, стоявшую у столика.

— Это коньяк с карамельным сиропом, — нежным голосом ответила она, опустив глаза, будто бы от смущения.

— Ага... — Гэлбрайт был весьма удивлен таким странным сочетанием ингредиентов.

— Это очень лёгкий напиток, потому что сироп смягчает крепость алкоголя, — пояснила девушка.

— И что, посетители берут у вас эту бормотуху нарасхват? — ещё больше удивился инспектор.

— Очень вкусный коктейль, — уверенно заявила девушка, — попробуйте сами.

— Хорошо, поверю вам на слово, — сказал инспектор и продолжил изучать меню.

Помимо этого непонятного коктейля, на внутреннем развороте глянцевої бумаги была ещё одна строчка «Джантар». Только это название, и всё — ни рисунка, ни состава продукта. На этот раз инспектор даже не пытался вникнуть в истинное значение этого незнакомого ему слова.

— Что это? — Гэлбрайт указал пальцем на строчку в меню.

— Это блюдо, — ответила официантка.

— Это довольно очевидно, но что оно собой представляет? — инспектора невольно начал раздражать игривый тон девушки.

— Рецепт «Джантара» является коммерческой тайной нашего заведения, — с достоинством ответила она.

— Хорошо, я заказываю всё, что есть в этом меню, — Гэлбрайт в гневе взмахнул рукой.

Официантка слегка поклонилась ему и, взяв меню со стола, одарила гостя очаровательной улыбкой и удалилась. Инспектор некоторое время тупо смотрел ей вслед, а потом, снова уставившись перед собой, подумал о том, что заведение было очень странным — ибо в его

меню было всего два блюда, из которых одно имело на редкость идиотский состав, а у второго, кроме названия, больше ничего не было указано... У Гэлбрайта возникло подозрение, что повара этого заведения явно готовили не для клиентов, которые к ним почти никогда не приходили, но лишь для удовлетворения каких-то своих непонятных прихотей и экспериментов. Он даже почувствовал, как по его спине без всякой видимой причины побежала волна холодного и липкого пота.

Через три минуты официантка вернулась к его столику.

— Вот ваш заказ, — сказала она тем же нежным голосом.

Она поставила перед ним поднос, на котором стояли стакан с коричневой жидкостью и глиняная миска с салатом. Кроме того, рядом лежала вилка, завернутая в белую салфетку.

— Спасибо, — с некоторым разочарованием сказал Гэлбрайт девушке, которая тут же отошла.

Да, подумал он, глядя на блюда, ему не следовало ожидать ничего сверхъестественного от абсурда, который был указан в меню. Он даже невольно порадовался тому, что под словом «Джантар» подразумевался не какой-нибудь варёный башмак, начинённый гвоздями, а лишь самый обычный салат...

Инспектор решил начать с коктейля. Сделав глоток из высокого бокала, он окончательно убедился в том, что сочетание коньяка и карамельного сиропа было ужасным не только на словах, но и на вкус. Гэлбрайта аж передёрнуло от отвращения, но он не выплюнул жидкость, а проглотил целиком, утешая себя мыслью, что едят же в Китае тараканов...

В результате он всё-таки отодвинул от себя стакан этой бормотухи и, взяв вилку, посмотрел на глиняную миску. По сравнению с коктейлем то, что было в ней, можно было назвать вполне обычной едой — листья салата, смешанные с мелко натертым сыром и ржаными гренками. Да, хваленый «Джантар» оказался на поверку всего лишь самым обычным салатом «Цезарь», только без соуса. Гэлбрайт, ожидавший худшего, невольно вздохнул с облегчением и принялся за еду.

Салат был безвкусным, что было очевидно — без мяса и соуса жевать сухие листья и гренки казалось довольно скучным занятием, но, как ни странно, это было съедобно. Инспектор даже не заметил, как через две минуты опустошил глиняную миску и, вытерев руки салфеткой, откинулся на спинку мягкого дивана, на котором сидел.

Внезапно внимание Гэлбрайта привлекла персона, которая на его глазах вошла в помещение «Клэйр Эн Тона». То была маленькая девочка, которой на вид можно было дать лет пять или шесть, не больше. У неё были большие, ласковые глаза и копна густых золотистых волос, которые сильно контрастировали с её бледным лицом. Малышка была одета в серый шерстяной свитер длиной до колен и юбку неопределенного тёмного цвета. В правой руке она держала вафельный рожок с двумя светло-голубыми шариками мороженого. Изящество, с которой она держала лакомство, придавало всей её фигуре хрупкость и некую трогательность.

Малышка неуверенно прошла вперёд, время от времени оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то. Она даже не посмотрела в сторону Гэлбрайта, но несколько раз поднимала голову вверх — очевидно, смотрела на игрушки, свисавшие с потолка. Наконец она подошла к стойке и остановилась там, будучи очарованной фигуркой золотой рыбки, покачивающейся на тонкой нити. Девочка стояла спиной к инспектору, поэтому он не видел её лица, но заметил, как ребёнок протянул руку к игрушке.

Затем к его столику подошла девушка с высокой грудью — официантка. Поклонившись Гэлбрайту, она поставила перед ним раскрытое портмоне из коричневой кожи — счёт. Инспектор пробежал глазами по его строчкам — в нём говорилось, что инспектору придется заплатить за удовольствие отведать два блюда около шести фунтов стерлингов. Инспектор полез в карман, где лежал его бумажник.

— Ну как, вам понравилось? — спросила официантка, игриво глядя на гостя

— Забирайте свои деньги и до свидания, — сухо сказал Гэлбрайт.

Сказав это, он достал деньги из бумажника. Официантка пристально посмотрела ему в глаза и, собрав монеты со стола, ушла. Гэлбрайт встал с мягкого дивана и, взглянув на маленькую девочку в свитере, которая продолжала смотреть на игрушку, направился к выходу из этого заведения. Выйдя на улицу, инспектор заметил, что пока он сидел в этом vanitas-ресторане, на улице уже стемнело. Гэлбрайт, оглядываясь по сторонам, почувствовал некоторую неуверенность — он понимал, что ему практически невозможно сориентироваться в местных условиях, но ему ведь нужно как-то добраться до своего отеля... Взволнованный, он сунул руку в карман и нащупал лежавший там листок бумаги. Вытащив его, Гэлбрайт развернул бумажку и поднес к глазам. Это был тот же номер телефона, который дал ему тогда таксист.

— Ну что ж, Бернэзи, вот и пришла пора прибегнуть к вашим услугам, — саркастически сказал инспектор.

Всё ещё держа листок бумаги в руках, он поднял голову и увидел телефонную будку, которая находилась по другую сторону улицы. Поскольку в это время на дороге почти не было машин, Гэлбрайту было легко перейти дорогу и потянуть дверь на себя. Ещё несколько секунд, и инспектор уже стоял рядом с телефоном. Опустив монету в щель, Гэлбрайт, сверившись с листком бумаги, набрал номер (020) 1805 1982 и поднес трубку к уху. Сначала он услышал длинные гудки, доносившиеся из трубки, а затем в ней раздался щелчок, после чего послышался сонный мужской голос, слегка искаженный помехами:

— Алло, я слушаю вас.

Инспектор был весьма удивлён, услышав этот голос, принадлежавший никому иному, как его старому другу — лейтенанту Нелиссену.

— Нелиссен, приятель, ты ли это? — при звуке знакомого голоса дрожь радости пробежала по спине Гэлбрайта.

— Гэлбрайт? Ну наконец-то! — бодро откликнулся молодой голос. — Я уже начал беспокоиться. Где ты пропал?

— В Лондоне, как ты знаешь... — Гэлбрайт замолчал.

— Что случилось, язык проглотил? — несколько дерзко спросил его Нелиссен.

— Объясни мне, — начал инспектор, — как так получилось, что я позвонил лондонскому таксисту, но попал в полицейское управление Портленда?

— Говори потише, — казалось, Нелиссен пропустил слова своего собеседника мимо ушей, — кто-нибудь может нас подслушать.

— Меня это не волнует... — сказал Гэлбрайт с некоторой обидой, но молодой лейтенант

перебил его.

— Не спорь со мной, — грубовато произнес молодой голос, — информация, которую я тебе передам, не для посторонних ушей.

— Хорошо, — инспектор уступил под давлением своего друга, — что ты хочешь мне рассказать?

— Парочку новостей, — ответил лейтенант с чувством собственной важности.

— Ну что ж, сначала по традиции... — Гэлбрайт хотел сказать «хорошая, а потом плохая», но ему не дали закончить.

— Если ты найдёшь что-то хорошее в любой из этих новостей, то я могу поздравить тебя с тем, что ты тот ещё катагеластик!

— Э-э, кто? — недоумённо спросил инспектор, который никогда не слышал ранее такого слова.

— Это не имеет значения, — Нелиссен снова уклонился от ответа, — ты дашь мне начать?

— Ладно, погнали, — подбодрил инспектор своего собеседника.

— Хорошо, тогда слушай меня, — ответил голос серьёзным тоном, — ты ведь помнишь Джордана Тёрлоу?

— Как я могу не помнить, я же лично его допрашивал, — несколько обиженно сказал Гэлбрайт.

— Конечно, все это уже знают, — укоризненно сказал лейтенант, — как и тот факт, что после аудиенции у него ты совершенно не интересовался его судьбой.

— Ох... — вздохнул инспектор.

Слова Нелиссена были справедливы — говоря по правде, Гэлбрайт, получив от мистера Тёрлоу всю подноготную касательно Делии Йонс, полностью забыл об этом человеке, потому что ему казалось, что нечего даже вспоминать о каком-то нарушителе закона, который выйдет на свободу только через шестнадцать лет. Для инспектора преступник был чем-то вроде растения в горшке — сидит себе на одном месте, ничего не делает... Только, в отличие от растения, у преступника нет харизмы...

— В общем, на следующий день после того, как ты с ним попрощался, — прервал мысли Гэлбрайта лейтенант, — тюремный охранник вошел в камеру Джордана и обнаружил его лежащим ничком на полу.

— Он был мёртв? — высказал свою догадку инспектор.

— Да, — сухо ответил Нелиссен.

— Интересно, с чего это он вдруг так быстро сыграл в ящик, — задумчиво произнёс Гэлбрайт.

— Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Джордана наступила из-за кислородного голодания мозга, — словно читая с листа бумаги, сказал молодой голос.

— Хм... — задумался его собеседник.

— Лесли Уотмоу, патологоанатом, проводивший вскрытие тела заключенного, нашёл кое-что

интересное, — лейтенант вернулся к своему привычному тону.

— И что именно? — Гэлбрайт оживился.

— Он обнаружил злокачественную опухоль в гортани Джордана, — ответил Нелиссен, понизив голос, — рак гортани короче.

Услышав это, Гэлбрайт невольно вспомнил фразу той дёрганой горничной из «Стейт оф Сноу Лэйк» о том, что старого консьержа увезли в больницу с подозрением на рак, но Нелиссен продолжал говорить.

— В общем, Лесли сказал, что это довольно редкий случай, потому что обычно люди болевают этим к пятидесяти годам, а Джордану, как ты помнишь...

— Я в курсе, — перебил лейтенанта Гэлбрайт, — это всё?

— С Джорданом покончено, а теперь немного о Делии, — казалось, невидимый собеседник улыбнулся.

— Что, у неё тоже... — удивился инспектор.

— Нет конечно же, — тут же вмешался Нелиссен, — да и кому бы пришло в голову откапывать девочку из могилы? — сказав это, лейтенант расхохотался.

— Ладно, прекрати, — по какой-то причине Гэлбрайту было крайне неприятно это слышать.

— Хорошо, — Нелиссен немедленно успокоился и перестал смеяться, — дело в том, что пока ты готовился к посадке в самолёт, мы продолжили расследование этого дела...

— Нет, правда? — невольно удивился Гэлбрайт. — Я думал, все отложили это дело в долгий ящик...

— Не перебивай. Мы обнаружили, что по окончании гистерэктомии хирурги извлекли нечто из её матки... — лейтенант замолчал, словно переводя дыхание.

— Так что же они извлекли? Давай быстрее, — инспектора несколько напрягла эта пауза.

— Кэтлин Армор назвала это явление папирусным плодом, по её словам, это когда женщина-близнец вынашивает внутри себя второй эмбрион.

— Глупое и антинаучное дерьмо, — Гэлбрайт непроизвольно грязно выругался.

— Ну а чего ты хотел от этой современной медицины... — лейтенант, казалось, о чем-то задумался.

— Хорошо, допустим что они нашли эту штуку, так что же было дальше? — инспектор сгорал от нетерпения.

— Короче говоря, они пожертвовали её Орегонскому колледжу восточной медицины, — ответил Нелиссен.

— Подожди, а это еще зачем? — невольно удивился Гэлбрайт.

— Как медицинский экспонат, а ты что подумал? — молодой голос усмехнулся.

— Ничего подобного я не... — инспектор остановился на полуслове.

— Там, конечно, эту штуку сразу же поместили в стеклянный сосуд с формальдегидом, — начал лейтенант, — и когда я узнал об этом, я не сдержался и сразу же поехал в этот колледж.

— И что же ты там увидел? — в эту секунду Гэлбрайту стало очень интересно.

— Ну... — начал вспоминать его собеседник. — Вокруг сосуда столпилось множество студентов — их ведь хлебом не корми, дай только поглазеть на чудеса расчудесные.

— Весьма любопытно, — ухмыльнулся Гэлбрайт.

— Они стояли вокруг и обсуждали содержимое, — продолжил лейтенант, — один парень заметил, что эта штука была очень похожа на личинку розалии лонгикорн, а кто-то упал в обморок...

— Кто именно? — по какой-то причине инспектора заинтересовал этот факт.

— Две молодые девушки, — щёлкнул языком невидимый собеседник, — видимо, они испугались, что когда они забеременеют, то у них внутри вырастет нечто подобное.

Гэлбрайт невольно подумал, что ситуация вышла на редкость ироничной — девочку спасли от паразита, которым все восхищаются, но никто даже не задумывался о том, из кого именно его извлекли, и поэтому о сочувствии умершему ребёнку даже речи не могло идти.

— У Бога большое чувство юмора, — мрачно сказал инспектор в трубку.

— Я не понял, что ты пытаешься сказать? — недоуменно произнес лейтенант.

— Забудь об этом, я просто размышлял вслух, — честно сказал Гэлбрайт, — но что это всё-таки было?

— Знаешь, я думаю, что Кэтлин Армор назвала эту штуку папирусным плодом сгоряча, потому что, если честно, оно не было похоже на эмбрион, — загадочно произнес молодой человек.

— Так как же это могло выглядеть? — не понял его собеседник.

— Представь себе морского ежа... — начал объяснять лейтенант.

— Панцирь? — перебил его Гэлбрайт

— Нет, живого, — поправил его молодой человек.

— Ну давай, — поспешно ответил инспектор.

Гэлбрайт нарисовал в своём воображении красный шар, утыканный длинными иглами, который мог существовать только на дне океана.

— Значит, этот эрзац-морской еж плавал там в формальдегиде, — сказал Нелиссен, — а я, глядя на него, подумал, что это...

— Паразит? — тут же высказал своё предположение Гэлбрайт.

— Хуже, — ответил собеседник, — паразит всё-таки отдельный организм, вредный, безусловно,

но при желании его можно удалить без потери для хозяина, в то время как здесь...

— Не тяни резину, пожалуйста, — инспектору вдруг захотелось, чтобы этот разговор наконец подошёл к концу.

— Представь, мой друг, что при твоём зачатии в твоих легких сформировался второй мозг, — отклонился от темы молодой голос.

— Что ты несёшь? — Гэлбрайт удивила эта аналогия.

— Слушай меня, — сердито сказал лейтенант, — это был бы совершенно бесполезный придаток, который поглощал бы избыточную энергию твоего тела, но не делал бы ничего полезного.

— Ничего не понял, но очень интересно, — саркастически заметил инспектор.

— ...но поскольку у тебя это от рождения, ты считаешь, что это норма, — продолжил Нелиссен.

Гэлбрайт подумал, что в этом была определенная логика — в конце концов, человек действительно не может знать, как другие люди на самом деле чувствуют свой организм, основываясь лишь на своём собственном самочувствии да знаниях, почёрпнутых из медицины.

— И следовательно, — сказал лейтенант, — попытка удалить этот орган может привести к серьёзным осложнениям, потому что твоё тело...

— Ты хочешь сказать, что шансы Делии выжить равнялись нулю? — немедленно спросил его инспектор.

— Если с этой штукой внутри, то я ничего не могу утверждать, — спокойно ответил молодой голос, — но то, что её извлечение привело к смерти ребёнка — факт.

— Бедная девочка... — Гэлбрайт печально вздохнул.

— Но одно я могу сказать наверняка, — продолжил Нелиссен, — даже если бы она захотела, она не смогла бы в будущем зачать и выносить ребёнка.

— Хм... — инспектор почесал усы.

— Ты думаешь, что если у тебя в утробе всё зарастёт какой-то дрянью, то и для ребёночка там тоже местечко найдется? — внезапно разозлился молодой лейтенант.

— Я бы никогда так не подумал, — эти слова слегка задели Гэлбрайт.

— Ладно, давай закончим разговор, — сменив тон, сказал лейтенант, — я боюсь, что наш звонок может быть перехвачен любознательными джентльменами из Столичной полицейской службы.

После этих слов раздался щелчок и начались звуковые сигналы — Нелиссен завершил вызов. В воцарившейся тишине Гэлбрайт вздохнул с некоторым облегчением и, вытерев пот со лба, повесил телефонную трубку. Открыв дверь, он вышел из телефонной будки на улицу и глубоко вдохнул влажный вечерний воздух в лёгкие. Он подумал о том, что если кто-нибудь бы и заинтересовался этим телефонным разговором, то, скорее всего, это была бы не полиция, но больница Модсли. Более того, как он считал, это было бы совершенно справедливо — ибо инспектор пережил такие события, что, если бы он попытался описать их незнакомому

человеку, это могло бы вызвать у того самые серьезные подозрения относительно психического здоровья инспектора. Да, подумал Гэлбрайт, попасть в руки врачей из больницы Модсли было бы не такой уж плохой идеей — если бы такое событие действительно произошло, то ему, скорее всего, были бы гарантированы тишина, мягкие стены, белый халат...

Стоя у телефонной будки, он вдруг заметил, что на противоположной стороне дороги, рядом с газетным киоском, стоит тот самый молодой человек в красной рубашке, похожий на японскую поп-звезду, которого Гэлбрайт видел сегодня утром под окном номера своего отеля. Сначала инспектор невольно запаниковал — его дыхание участилось, а сердце заколотилось, — но потом он вспомнил старый добрый трюк, суть которого заключалась в том, что не нужно показывать наблюдателю свой страх, чтобы тот не убедился в том, что может как-то повлиять на свою жертву. С этой мыслью Гэлбрайт, расправив плечи, смело двинулся в сторону ресторана, думая о том, как же ему всё-таки добраться до своего отеля.

Он представил себе, как будет долго стоять на холодном воздухе с вытянутой вперёд рукой, чтобы привлечь внимание проезжающих машин... К своему удивлению, подойдя к фасаду «Клэйр Эн Тона», он заметил, что прямо перед дверями была припаркована желтая машина. Гэлбрайт ускорил шаг и, подняв руку, крикнул водителю, чтобы тот подождал его. Подойдя к машине, он наклонился к стеклу. Водитель удивленно посмотрел на него.

— Куинсборо Террас, отель «Стэйт оф Сноу Лэйк», — поспешно сказал Гэлбрайт.

Мужчина без лишних слов кивнул, и инспектор, открыв дверцу, откинулся на спинку заднего сиденья, после чего водитель повернул ключ зажигания и машина плавно тронулась с места. Выехав на широкую улицу, такси помчалось вперёд, в сторону центра. Гэлбрайт в некотором оцепенении смотрел на мелькающие за окном виды ночного города, не предаваясь никаким мыслям, заметив только, что улицы постепенно становились шире, дома вокруг — выше, и кроме того за окном стали появляться освещенные витрины магазинов и рекламные щиты, на которых мелькали мигающие красочные надписи, призывающие случайных прохожих посетить тот или иной торговый центр, зайти в бар и заказать там бокал пива, или хотя бы купить ненужную мелочь в каком-нибудь киоске... Созерцая ночной Лондон, инспектор постепенно успокоился и расслабился.

— Послушайте, господин хороший, вам, наверное, придётся поискать другой отель! — вдруг послышался голос таксиста.

Это замечание вырвало Гэлбрайта из медитативного состояния, в которое он впал. Подергиваясь, как испуганная птица, инспектор уставился на затылок водителя.

— О чем вы говорите? — неуверенно спросил Гэлбрайт.

— Сами удостоверьтесь! — мужчина махнул рукой перед собой.

Пассажир придвинулся ближе и, прищурившись, стал вглядываться в лобовое стекло. Они уже выехали на Куинсборо-Террас и приближались к месту назначения, но то, что увидел инспектор, невольно повергло его в ужас — четырёхэтажное здание «Стэйт оф Сноу Лэйк» горело вовсю — пламя охватило первые два этажа здания и постепенно подбиралось к крыше. «Ради всего святого», подумал Гэлбрайт про себя.

На пару мгновений он допустил предположение, что это могла быть работа той дерганой горничной. «Эта беззаботная дура, очевидно, случайно установила обогреватель рядом со шторой...» Подобная гипотеза возникла у него потому, что он не сомневался в том, что всё гостиничное оборудование в «Стэйт оф Сноу Лэйк» находилось в том же состоянии, что и

номер, который он снимал у них. «Короткое замыкание, искра, и всё...» — нервно подумал он.

— Остановите машину! — едва сдерживая волнение, крикнул он водителю.

— Что толку, господин хороший, ваши вещи наверняка уже сгорели, — с некоторой неохотой водитель нажал на тормоз.

Инспектор не собирался спорить с таксистом и быстро открыл дверцу. Но прежде чем он успел выскочить на улицу, водитель обернулся к нему.

— Я подожду вас тут, а то мало ли, вдруг вам нужно будет поехать в аэропорт или на вокзал... — сказал он заговорщическим тоном.

Уже выходя из машины, Гэлбрайт невольно вспомнил таинственного таксиста, у которого, судя по его визитке, было имя «Х. Бернэзи». Инспектору показалось, что у обоих водителей были какие-то общие черты, по крайней мере, в интонациях и тембре их голосов. Но у него не было времени думать об этом, и он направился к отелю. В ночной темноте здание «Стэйт оф Сноу Лэйк» буквально светилось во мраке, и поэтому Гэлбрайту не составило труда сразу заметить людей, толпившихся вокруг места происшествия. Инспектору захотелось спросить кого-нибудь из толпы, как давно начался пожар, и он начал вглядываться в лица зевак. Он сам не мог точно объяснить себе, каким критериям должен был соответствовать человек, который мог бы быть постояльцем этого отеля.

После пары минут поисков взгляд Гэлбрайта остановился на тучном мужчине в сиреневой рубашке. На вид ему было около тридцати пяти. По какой-то причине инспектора привлек этот человек — видимо, дело было в том, что внешне он был чем-то похож на него самого, потому что у незнакомца были такие же чёрные густые усы и слегка волнистые волосы. Гэлбрайт подбежал к этому человеку, который, с каким-то отрешенным видом глядя на горящий отель, курил толстую сигару.

— Пожалуйста, простите меня... — с уважением обратился к нему инспектор.

Мужчина слегка повернул голову в сторону Гэлбрайта и выпустил облако табачного дыма. «Надеюсь, он не будет возражать», — занервничал полицейский.

— Где пожарная команда? — задал наводящий вопрос Гэлбрайт.

— Да вот же они! — мужчина в сиреневой рубашке затянулся и махнул рукой в сторону.

Инспектор посмотрел туда, куда указывал зевака. И в самом деле, возле здания «Стейт оф Сноу Лэйк» были припаркованы две красные пожарные машины. Люди в чёрной униформе с зелёными нашивками на рукавах сновали вокруг и пытались справиться с огнём, охватившим здание.

— Вы не знаете, когда начался пожар? — Гэлбрайт послал вдогонку ещё один вопрос.

— Я бы сам хотел узнать об этом побольше! — раздраженно воскликнул мужчина и снова выпустил колечко дыма.

Гэлбрайт стоял рядом с этим курильщиком и, непроизвольно вдыхая дым его сигары, думал о том, кто именно был виноват в этом несчастном случае. Версия с неисправным обогревателем казалась слишком банальной — ему, как полицейскому инспектору, казалось, что за пожаром явно стоял некий человек, который преследовал какие-то свои тёмные цели. Конечно же, ему

сразу же пришли в голову мысль о причастности к этому событию самого доктора Бэйзларда. «Почему бы и нет», — подумал Гэлбрайт, стоя рядом с усатым тучным мужчиной, «утром был визит подозрительного специалиста, который, убедившись, что я определенно остановился в этом отеле, дал знак Бэйзларду, и тот уже позаботился о пожаре... Хотя нет, это какая-то паранойя», — заключил он.

— Увы, какой позор, — нарушил тишину толстяк в сиреневой рубашке, — я заплатил около четырех тысяч пятисот баксов за полмесяца, «всё включено»...

— Минуточку, вы американец? — услышав, что собеседник назвал цену в долларах, Гэлбрайт заметно оживился.

— Я из Торонто, — ответил его собеседник, — приехал сюда провести отпуск, осталось всего два дня до возвращения в Канаду.

— Спасибо за ответ, — спокойно сказал инспектор, — то есть вы не знаете, сколько людей оказались в ловушке этого пожара?

С этими словами он кивнул в сторону горящего здания «Стэйт оф Сноу Лэйк».

— Плевал я на персонал! — недовольно сказал тучный мужчина. — Я просто вышел погулять перед ужином, возвращаюсь, а тут такое!

Произнеся эти слова, зевака в сиреневой рубашке сердито швырнул сигару на землю и с силой растоптал окурки. «Типичный американец», — подумал Гэлбрайт, «личное счастье — всё, на остальное человечество плевать. Неоконченный ужин для этого туриста важнее, чем жизни людей, погибших в пожаре...» Инспектор совершенно не задумывался о том, что канадцы — а ведь этот человек, по его словам, был именно оттуда — гордились тем, что они не американцы, потому что для Гэлбрайта, родившегося в Англии, обе эти страны были одним и тем же.

— Теперь из-за этих чурбаноголовых мне придется обратиться в посольство, чтобы мне там восстановили мои сгоревшие документы... — упавшим голосом сказал тучный мужчина и поплёлся вверх по улице.

Глядя вслед человеку в сиреневой рубашке, Гэлбрайт вспомнил о том, что сам он тоже оставил свои вещи в комнате. Он проверил свои карманы — слава Богу, сегодня утром он не забыл о том, чтобы прихватить с собой бумажник и визу. Успокоившись, он с некоторым удивлением заметил, что из всех тех вещей, которые он оставил в отеле, ему было жалко потерять только материалы по расследованию дела Фаркрафта.

— Мистер Гэлбрайт? — вдруг послышался сзади чей-то вкрадчивый голос.

Услышав свое имя, инспектор тут же обернулся — позади него стоял пожилой мужчина небольшого роста в чёрной униформе и форменной фуражке. На плече у него висела большая кожаная сумка, украшенная латунным ярлыком королевской почты.

— Извините, вы сейчас ко мне обратились? — спросил он почтмейстера.

Для инспектора было несколько неожиданно услышать свое имя от совершенно незнакомого ему человека, и тот факт, что это был почтмейстер, несколько напряг Гэлбрайта, потому что он не мог представить, кто бы мог отправить ему письмо здесь, в столице Англии.

— Мне было приказано доставить конверт мистеру Гэлбрайту, который остановился в отеле

«Стэйт оф Сноу Лэйк», — начал глухим голосом человек в форме.

— Но как вы меня узнали? — недоверчиво спросил инспектор.

— Узнали? Я просто спросил, — спокойно ответил его собеседник.

С этими словами почтмейстер открыл свою тяжёлую кожаную сумку и начал в ней рыться.

— Ну ладно, тогда отдайте мне посылку, — сказал Гэлбрайт и нервно огляделся по сторонам.

— Перед этим, — почтальон достал что-то из сумки, — вы должны подписать квитанцию о доставке.

— Хорошо, если вам это так необходимо... — пожал плечами инспектор. — Только дайте мне минуту, — попросил он.

Взяв бумагу и ручку из рук почтмейстера, он начал искать, где бы расписаться. Пока он это делал, его собеседник, самым своим видом излучавший какую-то торжественную ауру, неподвижно стоял неподалеку.

— Вот, пожалуйста, — с этими словами Гэлбрайт вернул почтмейстеру квитанцию и ручку.

Мужчина в форме положил их в свою сумку и, достав оттуда конверт, без лишних слов вручил его ошеломлённому инспектору и, развернувшись, исчез в ночной темноте. Получив неожиданную посылку, Гэлбрайт поднес её к глазам и начал разглядывать.

Гэлбрайт отметил, что на плотной белой бумаге, из которой состоял конверт, не было ни единой пометки или даже штемпеля — казалось, почтмейстер вручил инспектору не настоящее письмо, но некий элемент театрального реквизита. Единственное, что вызывало сомнение в подобном, так это то, что содержимое внутри конверта всё-таки можно было прощупать через бумагу.

— Эй, господин хороший! — послышался хриплый крик.

Гэлбрайт, собиравшийся вскрыть конверт, невольно вздрогнул. Оказывается, это был таксист, который стоял рядом со своей машиной и, облокотившись на дверцу, держал в руке дымящуюся сигарету. Теперь инспектор, пользуясь случаем, смог хорошо рассмотреть его лицо — у мужчины была коротко стриженная голова, острые скулы и прямой нос, которые четко выделялись на его загорелом лице. Карие глаза таксиста смотрели на полицейского почти с отеческим упрёком. Гэлбрайт не совсем точно помнил черты лица таинственного «Х. Бернэзи», но, воспользовавшись возможностью хорошенько рассмотреть стоящего перед ним таксиста, он заметил, что он был совершенно не похож на того лысого старика, который привёз его в vanitas-ресторан.

— В чем дело? — спокойно спросил Гэлбрайт.

Таксист выпустил изо рта колечко дыма и стряхнул пепел с сигареты.

— Не угодно ли господину иностранцу отправиться в аэропорт или на вокзал? — мужчина лукаво подмигнул ему.

— Хм, с чего это бы? — инспектор был несколько возмущен тем, что какой-то таксист лучше знал, что ему нужно делать.

— А что ещё вы можете сделать, если ваш отель сгорел дотла? — начал объяснять таксист. — Разве что в другой поехать...

— Подождите, дайте мне собраться с мыслями, — перебил его Гэлбрайт и отвернулся.

По какой-то причине инспектору был неприятен взгляд этого человека, но он не мог не заметить, что в словах водителя был здравый смысл. Скрестив руки на груди, Гэлбрайт погрузился в размышления. Этот совершенно случайный лондонский таксист, сам того не подозревая, поставил его перед сложной дилеммой, суть которой заключалась в том, что инспектор должен был решить, капитулировать ли ему в своей миссии по поимке доктора Бэйзларда или же продолжать её до победного конца. Второй вариант был определенно намного сложнее, поскольку у Гэлбрайта было мало шансов найти незаметного маленького человека, скрывшегося в дебрях мегаполиса. Пока инспектор решал, что же ему всё-таки делать, таксист уже бросил сигарету на землю и сел в машину.

— Думайте быстрее, господин хороший, иначе я уеду и вам придется самому добираться туда, куда вам нужно! — уже сидя за рулём, крикнул таксист из окна.

Гэлбрайт развернулся и пошел к нему — ему не хотелось терять эту машину из виду. Даже не потому, что ему было так трудно поймать другое такси, нет, дело было в другом — ему просто подсознательно хотелось опереться на кого-то, кого он знал хотя бы чуть больше, чем две секунды. Инспектор почувствовал, что ситуация всё больше выходит из-под контроля. Подойдя к машине, он открыл дверцу и забрался на заднее сиденье.

— Вы не знаете, где находится «Институт компьютеризации имени Макото»? — спросил он водителя.

Он не помнил адреса, указанного на той визитке — только это необычное имя оставило след в памяти Гэлбрайта. Таксист, услышав слова пассажира, вытер пот со лба и вздохнул. Видимо, он пытался понять, о чём именно говорил инспектор.

— Господин хороший, очевидно, имеет в виду «Мон-Тек»? — после минуты молчания переспросил его мужчина.

— Что это за место? — Гэлбрайт впервые слышал это слово.

— Был такой электротехнический завод, потом у него сменился владелец, после чего его преобразовали в научно-исследовательский институт электронных технологий, — пояснил таксист.

— Ну, я думаю, мне следует ехать именно туда, — сказал инспектор с некоторой неуверенностью.

Он вспомнил, что таинственный утренний посетитель представился ему специалистом по компьютерным технологиям, так что, сложив два и два, получалось, что таксист указал нужное место, но не под тем именем.

— Я даже не знал о том, что его переименовали, — говорил тем временем таксист, включая зажигание, — я полагал, что они решили оставить уже знакомую людям торговую марку...

Когда машина наконец тронулась с места, Гэлбрайт откинулся на спинку сиденья. Решение поехать в этот институт он принял сгоряча — таксист просто не дал ему достаточно времени на раздумья. Но сейчас, уже направляясь туда, инспектор отметил про себя, что это действие

имело смысл — потому что, если этот специалист действительно мог быть связан с доктором Бэйзлардом, то у Гэлбрайта была довольно веская причина посетить это таинственное место. «Кто знает», — подумал он, — «может быть, именно там я смогу завершить свою миссию». Как бы то ни было, у него не было плана дальнейших действий — иными словами, он попросту не знал, что именно будет делать по прибытию в этот институт.

События развивались так быстро, что единственное, на что он мог рассчитывать, — это на удачу. Хотя бы потому, что не факт, что, прибыв туда, он сможет найти там доктора Бэйзларда. Но даже если удача улыбнется ему и человек, которого он ищет, действительно находится там? Инспектор представил себе, как, увидев доктора в коридоре, он подходит к нему и авторитетным тоном заявляет «Именем закона, вы арестованы». А Бэйзлард, глядя на него с ласковым укором своих маленьких старческих глаз, в ответ на это чешет свои редкие седины и молвит «Полицейский Америки не имеет власти здесь, в Англии, поэтому вы не имеете права сажать меня в тюрьму» и, ухмыляясь, отправится по своим делам в какой-нибудь кабинет, оставляя Гэлбрайта стоять на месте с глупым видом...

Внезапно Гэлбрайт вспомнил, что всё ещё держит в руках конверт, который так и не удосужился вскрыть с тех пор, как получил его от почтмейстера. Инспектор, у которого не было под рукой ножниц, просто оторвал нижний уголок и разорвал конверт пополам. На его колени тут же упали сложенный лист бумаги и небольшой лист картона формата А7. Полицейский осмотрел картонку повнимательнее — на её глянцевого, аквамаринового цвета поверхности, были выведены в два ряда красные буквы английского алфавита, каждая буква которого сопровождалась соответственно информацией о произношении и порядковым номером. Гэлбрайт был весьма удивлен тому, что неизвестный человек прислал ему учебную принадлежность для дошкольника. Инспектор перевернул карточку, надеясь, что на обороте могло быть что-нибудь написано от руки, но, увы, там не было ничего, кроме крошечной надписи «(с) Йорк Мэдивэл Прэсс, 1991» в правом нижнем углу.

Первой мыслью, возникшей в голове инспектора, было «Видимо, меня перепутали с отцом, который заказал своему ребёнку вкладыш для учебы», но он тут же отбросил её — потому что вспомнил, как почтмейстер специально уточнил, что письмо предназначалось не для кого-нибудь иного, но именно для Гэлбрайта, остановившегося в отеле «Стэйт оф Сноу Лэйк». Правда, могло оказаться, что в том отеле в одном из номеров могли остановиться его тёзка с маленьким ребёнком, но инспектор решил не развивать эту тему и приступил к изучению второго предмета, который лежал в том конверте. Развернув сложенный вчетверо лист бумаги, Гэлбрайт сразу заметил, что текст был набран на пишущей машинке. Ну, конечно, подумал он, это же отличный способ поставить дело в тупик — ведь если бы письмо было написано от руки, то нетрудно было бы догадаться, кто был его автором!

Разобравшись с первым впечатлением, инспектор изучил этот предмет немного внимательнее. Обе стороны белого листа бумаги были заняты под длинное послание, напечатанное очень мелким шрифтом. Чёрные чернила во многих местах облупились, из-за чего буквы выглядели несколько размытыми, и текст был не очень разборчивым. Гэлбрайт, в чьи обязанности входило расшифровывать непонятные рукописные сообщения, не видел ничего сложного в том, чтобы понять, что именно было написано в машинописном документе.

«Для наивного человека среднего возраста», так было озаглавлено это загадочное письмо. Почему-то инспектор сразу догадался, что оно было адресовано именно ему, и, слегка обидевшись на определение «наивный», начал читать.

«Я не буду называть Тебя по имени, потому что очевидно, что послание предназначено только для Тебя», — так начиналось это послание.

— Тогда почему бы тебе не представиться? — прошептал Гэлбрайт одними губами, чтобы таксист его не услышал.

«Ты ведёшь себя как влюблённый подросток, и, знаешь, наблюдать за любовными страданиями со стороны довольно неприятно. А если честно, то это просто раздражает. В стародавние времена мне довелось наблюдать за двумя людьми, которые испытывали чувства к одной и той же девушке. Все трое были одного возраста, и их связывал тот факт, что они вместе учились в одной семинарии».

— Зачем мне знать о какой-то истории любви между тремя школьниками? — саркастически спросил Гэлбрайт неизвестного автора этих строк.

«Первый юноша — назовем его для краткости Парфенионом — влюбился в девушку — назовем её Евдокией — с раннего детства. Он следил за каждым её шагом, поклонялся ей как Богине, но в то же время боялся приблизиться к ней, избегал её взглядов и стыдился, когда незнакомые люди произносили при нем её имя. В то время как второй юноша — Андроник — заинтересовался этой мадемуазель уже тогда, когда его учеба в семинарии подходила к концу. В отличие от Парфениона, он не колебался и во время каникул воспользовался представившейся возможностью и уединился с Евдокией в её доме. После этого Андроник был с позором исключен из семинарии, но зато у него и Евдокии родился ребёнок. Факт рождения наследника полностью компенсировал то обстоятельство, что его отец остался с незаконченным средним образованием».

— Молодец, что я могу сказать... — саркастически заметил Гэлбрайт.

«Если Ты не смог установить связь между этой историей и Твоей текущей ситуацией, то уж извини меня за то, что я не принял во внимание Твой уровень знаний и коэффициент интеллекта».

— А вот это уже хамство! — инспектор едва сдержался от того, чтобы не закричать.

«Поэтому я позволю себе оказать Тебе услугу, поскольку считаю Тебя опытным человеком, который сможет решить сложную задачу, если ему дать несколько подсказок».

— Что, сначала оскорбил, а потом льстишь? — это письмо всё больше задевало Гэлбрайта за душу.

«Главная причина, по которой я пошёл на уступки, заключается в том, что мне надоело наблюдать за тем, как взрослый человек криминальной профессии дрожит над порученным ему делом, точно так же, как Парфенион боялся приблизиться к Евдокии. Ты, как тот юноша, теряешь почву под ногами, когда упоминается имя жертвы, из-за чего вместо расследования, которым Ты должен заниматься, Ты на самом деле просто топчешься на месте».

— Интересная ассоциация, — подумал инспектор, постепенно успокаиваясь.

«Но все, что Тебе нужно, — это смело смотреть в лицо опасности, не бояться делать резких движений и не принимать во внимание трудности, как тому, второму подростку. При таком положении дел Ты, как и Андроник, получил бы то, чего хочешь — в его случае это был сын, а в Твоём — чувство выполненного долга. Увы, к сожалению, ты вряд ли сможешь это сделать — характер человека невозможно просто так изменить нравоучительными советами — поменяется только объем его знаний, но в остальном он останется прежним».

— Ну конечно, люди же никогда не меняются, — вспомнил Гэлбрайт известное изречение.

«Поэтому я закончу напоминанием Тебе о том, о чём Ты должен был узнать за всё это время — В начале было Число. Дважды — Четыре и Пять. Отныне я просто буду надеяться на то, что Ты сможешь разгадать головоломку, с которой справятся даже те люди, которые испытывают серьезные проблемы с арифметикой и логикой».

На этой несколько презрительной и высокомерной ноте письмо подошло к концу. Гэлбрайт скомкал листок бумаги и выбросил его в боковое окно машины — боковым зрением он успел заметить, как порыв ветра подхватил его и понес куда-то в тёмные просторы ночного шоссе. Откинувшись на спинку сиденья, инспектор на долю секунды подумал о том, что это был поступок не полицейского, обязанного хранить вещественные доказательства, но взволнованного романтика. В любом случае, Гэлбрайта это не особо волновало, как и тот факт, что, когда он опускал стекло, то в машину ворвался необычайно холодный ветер.

Инспектор начал анализировать, кто бы мог быть автором этого двусмысленного и неясного сообщения. Было бы сложно с точностью идентифицировать этого человека из-за машинописного текста письма, поэтому инспектору пришлось полагаться на его содержание. Было ясно как божий день, что автор строк, который не представился читателю, был прекрасно осведомлён о том, кто такой Гэлбрайт. Кроме того, этот таинственный человек каким-то непостижимым образом знал о том, как инспектор относится к своему расследованию — фраза, касающаяся реакции на имя жертвы, недвусмысленно намекала на это. Гэлбрайт сразу же отверг версию с доктором Бэйзлардом — просто потому что устал подбрасывать дрова в костёр своей паранойи. Вместо этого он выдвинул гипотезу, что письмо мог написать никто иной, как господин главный инспектор Сеймур. В его личности всегда была какая-то скрытность, и это не ограничивалось его манерой говорить загадками — достаточно было, к примеру, взять его неожиданный визит в квартиру Гэлбрайта...

Инспектор вспомнил одну из последних строк, которыми заканчивалось письмо: «...В начале было Число. Дважды — Четыре и Пять». Отсылка к Евангелию от Иоанна, как считал Гэлбрайт, была намеренно вставлена автором этого сообщения, чтобы на её фоне скромные по своей сути цифры выглядели претенциозно и интригующе.

— Ну, четыре и пять, — повторил он, — интересно, что это может значить.

Пытаясь успокоиться и собраться с мыслями, Гэлбрайт опустил руки на колени и только сейчас обнаружил, что всё это время на них лежала та самая картонка, которая лежала в конверте вместе со злополучным письмом. Инспектор схватил её и поднес к глазам. Он уже видел, что на ней были перечислены буквы английского алфавита, под огромными красными буквами которых мелким шрифтом были напечатаны цифры — индексные номера. Тогда, как только он вскрыл конверт, эта картонка показалась ему забавной ошибкой почтальона, но после прочтения письма этот скромный по своей сути аксессуар дошкольника приобрёл в глазах инспектора загадочное и многозначительное значение.

Гэлбрайт был настолько поглощён своим маленьким расследованием, что даже не заметил, что в это время в салоне играло радио, которое водитель включил, дабы не ехать в гробовой тишине с неразговорчивым пассажиром. Только когда Гэлбрайт начал просматривать детский алфавит, до его ушей донеслись слова, которые шли из динамиков:

— Привет! Сейчас вы слушаете радиостанцию «Дом Ай Дабл», с вами диктор О'Джирард, — произнес со швейцарским акцентом голос зрелого мужчины.

Инспектор не мог не заметить, что этот О'Джирард говорил с таким ликованием, как будто он только что вернулся с какого-то пира и ещё не совсем протрезвел. Но, скорее всего, диктору

просто было трудно скрыть переполнявшую его радость, которая чувствовалась в каждом его слове. Но почему? Гэлбрайт, которому невольно стало любопытно, внимательнее прислушался к радио.

— Ни для кого не секрет, что вчера, двадцать шестого декабря тысяча девятьсот девяносто первого года, Верховный Совет Советского Союза принял Декларацию о распаде Союза Советских Социалистических Республик. Наша радиостанция верит, что это День Великого Триумфа для всех...

Голос диктора потонул в шуме аплодисментов и радостных криках толпы — было очевидно, что в студии начался салют. Гэлбрайту даже показалось, что он услышал хлопок пробки и шипение пены — очевидно, кто-то открыл бутылку шампанского прямо рядом с микрофоном. Но этому празднику жизни положил конец таксист, который на этой жизнерадостной ноте потянулся к радиоприемнику.

— Улыбочку шире, господин капиталист... — сказал он, неизвестно к кому обращаясь.

Таксист не закончил фразу — он просто переключил канал радио, после чего вновь положил руки на руль. Теперь в салоне машины раздавались звуки джаза. Однако инспектор, которому удалось услышать предшествовавшую музыке новость, был невольно ошеломлён. Дело было не в том, что он беспокоился о судьбе какого-то там государства — Гэлбрайт был поражен тем, что, по словам диктора, сегодня было двадцать седьмое декабря.

— Сейчас же только середина октября... — озадаченно пробормотал полицейский себе под нос.

Он не мог понять, что произошло — неужели время без видимой причины действительно пролетело быстрее и в итоге перескочило сразу на два месяца вперёд?

— Это явно чья-то ошибка... — повторил про себя рациональный инспектор.

У него было два предположения на этот счет. Первое заключалось в том, что, возможно, диктор О'Джирард оговорился, когда объявлял дату. Гэлбрайт сразу же отверг эту идею — он справедливо полагал, что маловероятно, чтобы радио так откровенно дезинформировало своих слушателей, выдавая чёрное за белое.

Вторая гипотеза, которую выдвинул инспектор, была о том, что это могло быть шуткой таксиста. От подобной мысли отдавало откровенной паранойей — зачем какому-то водителю вдруг ни с того ни с сего собирать кучу людей в одной комнате, чтобы раздавать им листки бумаги со сценарием и, записав их актёрскую игру на какую-то аудиокассету, вставить её в магнитофон своей машины и проиграть в нужный момент нужному пассажиру? Против этого предположения выступал также тот факт, что Гэлбрайт ясно видел, что водитель именно что включил радио, а не нажал на кнопку магнитофона — если только это не было оптическим обманом. Всякое, конечно, могло случиться, но инспектор не считал себя пупом земли, вокруг которого вращался весь мир. Гэлбрайт решил не мучить себя бессмысленными догадками и обратился к водителю, который, переключив каналы радио, продолжал молча вести машину.

— Извините, не могли бы вы сказать мне, какое сегодня число? — спросил инспектор вежливо и даже с некоторой кроткостью.

Этот простой и невинный вопрос вызвал у мужчины неожиданную реакцию — он мгновенно обернулся и уставился на своего пассажира. Гэлбрайт невольно отшатнулся — ему показалось, что таксист внезапно сошёл с ума и вот-вот разорвет его на куски. Но в следующую секунду водитель понял, о чём его спросили, и широко улыбнулся.

— Ах, господин хороший, на вид вы такой интеллигентный, но... — начал он.

— Что вы имеете в виду? — страх Гэлбрайта уступил место недовольству.

— Я говорю о том, что такому человеку, как вы, не подобает напиваться до беспамятства, — укоризненно сказал мужчина.

— Что вы себе позволяете? — полицейский нахмурился.

— Ну а как ещё вы умудрились забыть, что сегодня двадцать седьмое декабря? — таксист подмигнул ему и наконец повернулся обратно к лобовому стеклу.

— Вы, должно быть, шутите... — этот ответ поставил Гэлбрайта в тупик.

— Ничего подобного, — пробормотал таксист, — проверьте сами, если мне не верите! — и он сделал жест левой рукой.

Уже вышедший из себя инспектор послушно выполнил указания мужчины и выглянул в боковое окно — они ехали по прямой дороге, по обе стороны которой простирались заснеженные поля, за которыми едва угадывались редкие здания. Единственным источником света были фары автомобиля, которые освещали дорогу впереди него, и в этом свете было хорошо видно, как редкие снежинки кружатся в воздухе и медленно падают на заснеженный асфальт. Гэлбрайт был сбит с толку и схватился за голову обеими руками. Вид природы за окном машины безмолвно дал ему понять, что у него оставался только один способ объяснить себе происходящее вокруг — а именно то, что произошло чудо, и полицейский необъяснимым образом переместился во времени.

В связи с этим он вдруг вспомнил, что в детстве он читал книгу — сборник фантастических рассказов, — в которой было много интересного, но одну историю он запомнил надолго. Насколько Гэлбрайт мог теперь вспомнить, в ней речь шла о двух студентах, которые нашли сломанные напольные часы в доме пожилого родственника. Взяв их с собой, они показали их профессору, и тот решил их завести. Его действия привели к тому, что вся троица вдруг угодила в прошлое, во времена Восьмидесятилетней войны. С годами инспектор забыл имя автора рассказа, его название и почти все детали, но то обстоятельство, что в этом произведении действие внезапно перенеслось из девятнадцатого века, который был ему более или менее знаком, в шестнадцатый, запечатлелось в его памяти.

Гэлбрайт поднял глаза к потолку — от всех впечатлений, которые он пережил за этот день, у него закружилась голова. Здравый смысл подсказывал ему, что фантастика — это вымысел, но сейчас-то он находился в реальности! Если бы он попытался вкратце описать кому-нибудь постороннему то, что с ним только что произошло, то результатом было бы полное непонимание со стороны случайного человека — ведь получалась такая бессмыслица, что инспектор сел в такси осенью, после чего на улице сразу же наступила зима. Как самая обычная и банальная легковушка смогла переместиться на два месяца вперёд?

Из этого бешеного водоворота мыслей инспектора вывел знакомый тенор. Гэлбрайт отвернулся от окна и прислушался — голос пел под аккомпанемент джаза, который доносился из радиоприемника. Пассажир не удержался и тронул водителя за плечо.

— Послушайте, это не... — и инспектор произнес два слова, которые звучали как название французского журнала мод.

— Да, это они, — утвердительно кивнул водитель, которому, похоже, тоже было приятно

слушать эту песню.

— Они действительно выпустили новый альбом в этом году? — Гэлбрайт был удивлён.

Он вспомнил о том, что эти ребята в этом году были настолько заняты гастролями, что у них просто не было времени собраться в студии и порадовать своих преданных слушателей очередным полнометражным шедевром.

— Какой ещё альбом? — спросил водитель. — Только один трек.

— Хм... — полицейский почесал подбородок.

— Но это не просто случайная композиция, — начал уточнять водитель, — но песня к новому фильму Эрнста Вильгельма Вендерса!

Гэлбрайт никогда раньше не слышал об этом человеке. По-видимому, он просто не особенно интересовался тем, что в последнее время происходило в мире кино.

— Ладно, я был рад узнать об этом, — поблагодарил его Гэлбрайт и откинулся на спинку стула.

Он начал слушать песню, лившуюся из динамика радиоприемника. Красивый голос вокалиста обладал манящей и гипнотической силой, которая идеально сочеталась с аккомпанементом, очень похожим на джаз, что было совершенно нехарактерно для этих ребят, которые в основном играли на синтезаторах. Текст невольно запал в душу Гэлбрайту — насколько он мог понять, лирический герой этой песни чувствовал себя чужим в реальном мире, и поэтому он отправился в загробный мир, который считал своим истинным домом. В припеве он взывал к своим родителям, надеясь на подобающий прием с их стороны. Инспектору показалось, что подобный текст явно предназначался для тех, кто разочаровался в жизни.

Анализируя содержание песни, игравшей на случайном канале радио, Гэлбрайт не мог не подметить её сходство с заукокойной мессой. И он не мог не задаться вопросом, по ком звучит этот реквием? По Джордану Тёрлоу — молодому человеку, которому не было места в этой жизни? Может быть, по Делии Йонс — маленькой девочке, которая не успела познать этот мир? Или, в конце концов, по нему самому, инспектору Гэлбрайту, который недавно был вынужден бросить все свои силы на то, чтобы понять смысл жизни?

— Делия... — прошептал он.

Как только имя этой девочки пришло ему на ум, инспектора сразу же охватила решимость. Он вспомнил о картонке с алфавитом и, взяв её в руки, снова принялся изучать. Сами буквы были напечатаны крупным шрифтом, а их порядковые номера — чуть мельче.

— Как это там было, четыре и пять... — инспектор вспомнил последние строки из того письма.

На картонке эти цифры соответствовали буквам «D» и «E», и они — какое совпадение! — шли одна за другой.

— Это вполне естественно, — Гэлбрайт ухмыльнулся в усы.

Он вспомнил, что, если верить радио, то сейчас на улице стоял декабрь — то-бишь двенадцатый месяц. Он снова опустил глаза — на картонке это число соответствовало букве «L».

— Ну ка... — он заинтересовался решением этой логической головоломки.

Девятой буквой от начала была «I». Гэлбрайт подумал о том, что она могла нести ответ сама по себе — ведь в римской системе счисления эта буква соответствовала цифре «один» (1). И она, кстати, также сослужила свою службу при формировании ответа, потому что «A», самая первая буква английского алфавита, как раз подходила под это число.

— Ну что ж, у меня получилось D-E-L-I-A. Идеально... — вырвалось у Гэлбрайта.

Инспектор попробовал эту фразу на языке и случайно обнаружил, что оба его последних слова — «Делия» и «идеал» — состояли из одних и тех же букв, только расположенных в разной последовательности. «Одно лучше другого», — выдохнул он. Теперь Гэлбрайт не сомневался в том, что таинственный автор письма совершенно точно имел в виду именно эту девочку. Но какой во всем этом мог быть смысл? Это что, было лишнее напоминание для инспектора? Неизвестный автор призывал Гэлбрайта восстановить справедливость во имя покойной дочери фармацевта? По какой-то причине полицейский сразу же вспомнил своего покойного друга Фаркрафта, которому нравилось находить необычные зацепки в вещах, в которых другие люди ничего бы не заметили. Мертвецы писем не пишут, но логика его друга и автора послания, пожелавшего остаться неизвестным, была очень схожей...

— Возможно, суть следует искать не в морфемике, а в арифметике, — тихо сказал инспектор.

Предчувствие подсказало ему, что если он сложит цифры, то загадка разрешится сама собой. Он боялся ошибиться в своих расчетах, поэтому обратился к таксисту.

— Извините, у вас есть калькулятор? — кротко спросил он.

— Хотите посчитать, сколько денег вам переведут через месяц? — весело сказал водитель и открыл бардачок.

— Что-то в этом роде, — Гэлбрайт решил поддерживать беззаботный тон разговора.

— Если не секрет, на что вы их потратите? — спросил водитель, роясь в вещах.

— На праздники, конечно, — уклончиво ответил инспектор

Водитель тем временем продолжал искать то, о чём его просил пассажир. Наконец он вытащил из самых глубин бардачка небольшое электронное устройство.

— Просили? Держите, — и он протянул полицейскому Casio fx-7000G.

Инспектор повертел в руках серебристый калькулятор. У этого выдавшего виды устройства был маленький зелёный экран и пять рядов крошечных кнопок.

— Если бы вы только знали, сколько денег я потратил на его покупку... — сказал водитель с неожиданной теплотой, и впервые в его голосе послышались нотки грусти.

«Не надо было спешить с покупкой продукта, когда его только выбросили на рынок», — подумал Гэлбрайт, сосредоточившись на устройстве. Значит, D-E-L-I-A. Инспектор сверился с картонкой — оказалось, что это слово, будучи выраженным в цифрах, трансформировалось в 04-05-12-09-01. Гэлбрайт начал тыкать в маленькие кнопки калькулятора.

— Какую операцию мне следует выполнить в первую очередь... — спросил он себя, имея в виду операции математического, а не криминального характера.

Для начала он решил вычесть цифры. На матово-зеленом дисплее Casio fx-7000G высветилось «-23». Отрицательное число ничего не значило для инспектора. Затем он решил произвести сложение. Он получил цифру «31». «Это уже имеет смысл», — подумал инспектор. Например, ему самому шёл тридцать один год...

— А что, если я сложу оба этих ответа? — решил Гэлбрайт.

Он набрал на калькуляторе «-23+31». Результатом было число «8».

— Восемь... Делии было восемь лет, когда Джо встретил её... — пробормотал полицейский, словно в трансе.

Да, подумал Гэлбрайт, неспроста один немецкий ученый говорил как-то о том, что математика — царица наук...

— Возьмите, — он протянул калькулятор его владельцу.

— Ну как, удалось узнать, сколько потратить на праздники? — шутливым тоном спросил водитель, убирая электронное устройство в бардачок.

— Скажем так, я сильно стеснен в средствах, — улыбнулся Гэлбрайт в ответ.

— С чего это вдруг? — в голосе водителя слышалось удивление.

— Честно говоря, я не горю желанием работать, — инспектор смущенно опустил глаза.

— Ладно, я понял вас, — кивнул ему водитель и вернулся к управлению.

Гэлбрайт, который несколько устал от решения математических задачек, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Уже без калькулятора в руках он просто ради забавы перевернул число «тридцать один» (31). Результат невольно вызвал у него усмешку — потому что число «тринадцать» (13), которое у него вышло, славилось тем, что порождало вокруг себя нездоровый ажиотаж. Забавно, думал Гэлбрайт, когда чрезмерно впечатлительные люди боятся пекаревой дюжины, не в последнюю очередь из-за того, что в свое время какие-то шарлатаны породили некий культ, который по своей сути нужен был только для того, чтобы вселять страх в души глупых и необразованных людей. И, как отметил инспектор, эта миссия по отуплению народа увенчалась успехом — ибо этот крайне нелепый по своей сути культ со временем не только не был погребён во глубине веков, но, напротив, его отголоски проникли во все сферы жизни людей и стали такой же неотъемлемой частью культуры, как, например, субкультура хиппи.

Гэлбрайт подивился тому, как люди позволяют забивать свои головы подобной чепухой, и подумал о том, что если бы этим шарлатанам довелось услышать о происшествии с бедняжкой Делией Йонс, то они, что было весьма вероятно, немедленно назвали бы её кем-то вроде ведьмы, повесили бы на неё все смертные грехи — в общем, превратили бы историю о редком медицинском случае в какую-то идиотскую мистическую сказку, которая вызывала бы недоумение у любого мало-мальски образованного человека.

— Я не могу придумать худшего поступка, чем демонизация маленького ребёнка, — печально вздохнул Гэлбрайт.